

У. 3

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ

СУДЕБНО - МЕДИЦИНСКИХЪ ДАННЫХЪ

. ВЪ

практическомъ, преимущественно,
примѣненіи ихъ къ общественнымъ
потребностямъ.

Тотъ ничего не сдѣлалъ для людей, кто
не далъ имъ средствъ меныше страдать,
или легче сносить страданія.

Никитенко (Дневникъ).

Заслуженный ординарный профессоръ судебной медицины
Казанскаго университета

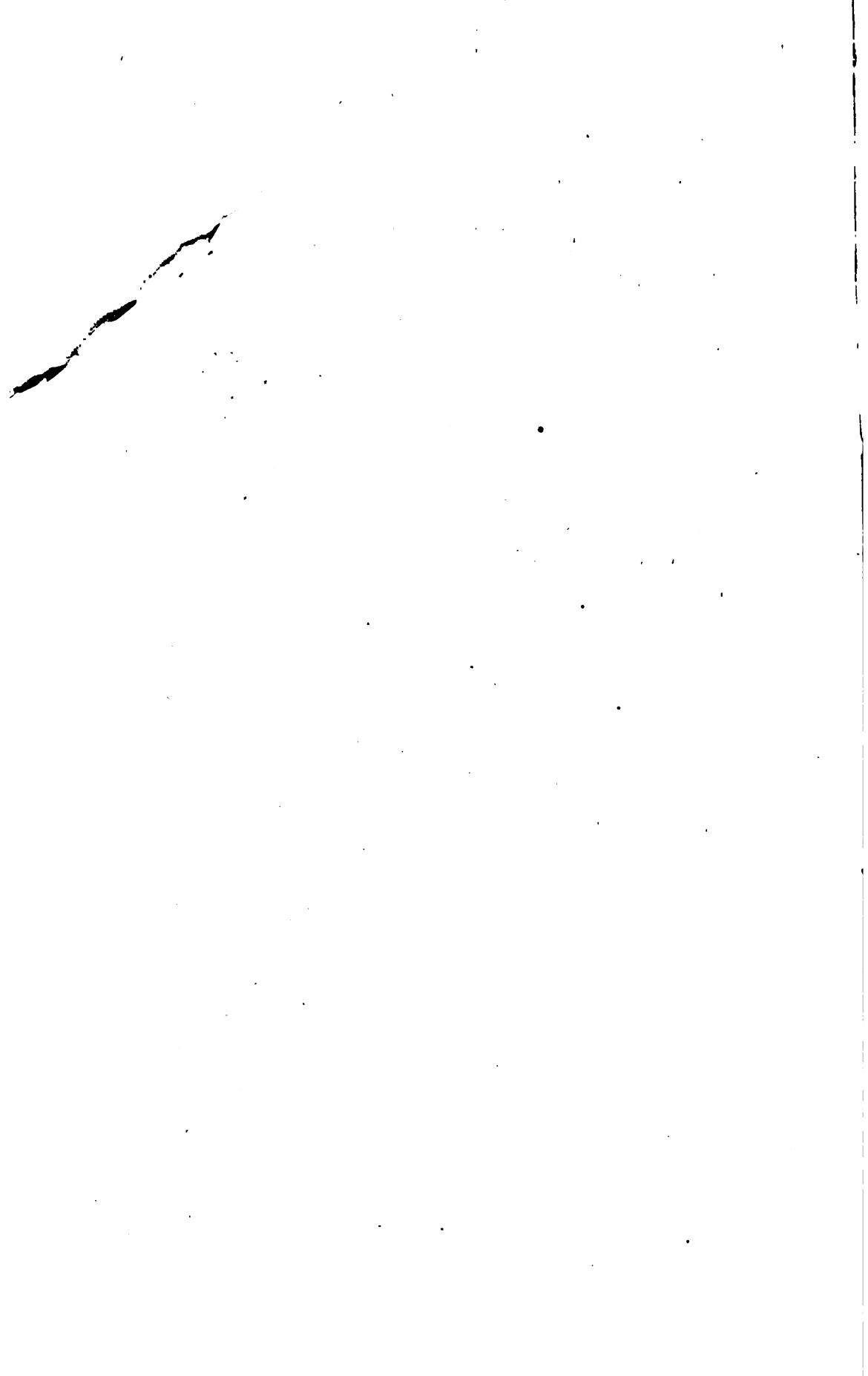
И. М. ГВОЗДЕВЪ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.
1892.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ

СУДЕБНО - МЕДИЦИНСКИХЪ ДАННЫХЪ

въ

практическомъ, преимущественно,
примѣненіи ихъ къ общественнымъ
потребностямъ.

Тотъ ничего не сдѣлалъ для людей, кто
не далъ имъ средствъ меньше страдать,
или легченосить страданія.

Никитенко (*Днепропетровск*).

*Заслуженный ординарный профессоръ судебной медицины
Казанского университета*

И. М. ГВОЗДЕВЪ.

Имъ Николаю Михайлову Гвоздеву

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1892.

Р

Печатано по определению медицинского факультета при Императорскомъ Казанскомъ университете.

Деканъ А. Ге.

Предисловіе.

Изъ всѣхъ прирожденныхъ человѣческихъ потребностей, способствующихъ прогрессу человѣческаго достоинства, потребность въ правосудії есть наиглавнѣйшая, даже животныя гораздо легче совершаются, при примѣненіи въ нихъ правосудныхъ мѣръ.

Человѣкъ свое прирожденное стремленіе, напр. къ сообществу, можетъ удовлетворять самостоительно и пѣшкомъ, и на лошади, и паровозомъ, и пароходомъ, и аэростатомъ. Возможность подобного рода удовлетворенія въ общеніи людей обусловливается пассивностью того материала, который служитъ для передвиженія по землѣ, водѣ и воздуху; но въ правосудной человѣческой потребности весь материалъ, удовлетворяющей эту потребность, есть материалъ живой, активный, т. е. такой, который самобытенъ и не такъ уяздистъ, какъ сырой и пассивный вообще материалъ. Живой, активный, юридический материалъ, въ абстрактной своей формѣ, проявляется въ общественной и индивидуальной совѣсти, зависящей не столько отъ буквы закона, сколько отъ двухъ вѣчно борющихся между собою элементовъ, а именно: плоти и духа.

Эти два элемента при жизни не поддаются раздѣлимо-
сти, а проявляются совмѣстно, а потому во всякомъ право-
судии плотская и духовная особенности требуютъ должной
оценки; причемъ необходимо замѣтить, что въ большинствѣ
юридическихъ процессовъ, по нашему мнѣнію, индивидуаль-
ная совѣсть покоятся на плотскихъ потребностяхъ индивиду-
ума, а общественная на духовныхъ его потребностяхъ.

Изученiemъ плотскаго элемента занимается врачъ, кото-
рый и обязанъ всѣ особенности плоти, въ данномъ конкрет-
номъ случаѣ, представить для правосудія въ такой цѣлости,
ясности и убѣдительности, чтобы ни у кого не осталось ни
малѣйшаго сомнѣнія въ правдивости показаній изслѣдователя.
На долю же юриста или судьи остается въ высшей степени
трудная и ответственная задача: оправосудить, такъ сказать,
одухотворить въ данномъ конкретномъ случаѣ, съ юридической
точки зренія, выработанныя врачомъ несомнѣнныя данныя
плоти.

При обыкновенномъ порядкѣ вещей, мы имѣемъ основы,
 положенные самою природою для изученія жизни, болѣзни и пр.
 и составляемъ руководства по физиологии, патологіи и пр.;
 но когда въ порядке вещей выѣшивается произволъ человѣ-
 ка, какъ напр. по предметамъ вѣдѣнія судебной медицины, гдѣ
 нельзя ничего предвидѣть въ способѣ совершенія преступ-
 наго дѣянія, какъ это предвидимъ при обыкновенномъ ходѣ
 вещей, т. е. безъ выѣшательства человѣка, то составить на-
 лежащее руководство по судебнай медицинѣ будетъ невозможно.
 Даже еслибы мы отрѣшились отъ попытокъ всякаго предвидѣ-
 нія, а взяли бы только послѣдствія преступнаго дѣянія, то по-
 слѣдствія эти, какъ результатъ человѣческаго произвола, до
 того безчисленны и разнообразны и до тогоже иногда бываютъ
 рѣдкостны, что и самыя подробныя специальнаяя руководства
 не могутъ дать о нихъ понятія.

Въ силу вышепизложеннаго мы позволяемъ себѣ сказать, что
 теоретическое изложеніе судебнай медицины, какъ повтореніе уже
 извѣстнаго, не должно имѣть мѣста для студентовъ въ тепе-
 решнѣніи его видѣ; а въ общемъ медицинскомъ курсѣ изученіе
 судебнай медицины должно быть таково, каково требованіе обще-
 ственныхъ потребностей, т. е. оно должно имѣть исключитель-
 ной практическій, какъ это бываетъ при постели больнаго,
 характеръ свѣ дополненіемъ такихъ судебнно-медицинскихъ дан-

ныхъ, которые по своей узкой специальности не могли войти въ кругъ другихъ медицинскихъ наукъ.

Всякому известно, что одно только описание способовъ практическаго приложенія, даже съ демонстраціями, безъ самостоятельной проверки ихъ самимъ учащимся, едвали достигнетъ того, къ чему предназначена судебная медицина. Однимъ словомъ судебная медицина предназначена къ тому, чтобы все, что касается нашего тѣла-плоти, предъявить на судъ со всѣми материальными особенностями этой плоти, такъ, какъ бы особенности эти были передъ глазами самихъ судей.

Въ данной брошюре преслѣдуется плотскій элементъ правосудія въ формѣ систематического перечня содержанія вопросовъ и, по возможности, отвѣтовъ, касающихся судебнай медицины вообще и практическаго ея значенія въ частности. Въ введеніи мы, въ силу полнаго иногда незнанія учащимися медиками государственныхъ и общественныхъ потребностей, касающихся будущей ихъ дѣятельности, коснулись также, на сколько мы были въ состояніи, и этой стороны дѣла; причемъ бросили соответствующій взглядъ на экспертизу и экспертовъ и коснулись желательной нормы составленія судебнно-медицинскихъ протоколовъ. Мы въ своей брошюре обошлись безъ выписки статей закона, касающихся судебнно-медицинскихъ данныхъ, хотя известно, что эти статьи и вызвали существование судебнай медицины,—въ виду того, что для разъясненія уже существующаго закона по судебнно-медицинскимъ вопросамъ врачи, какъ та-ковой, неумѣстенъ на судѣ; что же касается ознакомленія по статьямъ закона съ различного рода наказаніями за преступленія, касающіяся судебнно-медицинской области, то это не входитъ въ прямую обязанность врача, какъ та-коваго.

Вообще въ данной брошюре мы будемъ излагать только то, что нами или проверено, или обстоятельно обдумано, а потому цитать и ссылокъ на многочисленныя судебнно-медицинскія руководства, по многимъ причинамъ, мы не нашли необходимымъ приводить.

В В О Д Е Н И Е.

Мы называемъ обыденною жизнью такую жизнь, которая въ своемъ течениі не дѣлаетъ рѣзко замѣтныхъ уклоненій, какъ напр. жизнь растительная, жизнь дикихъ животныхъ и первобытнаго, какъ говорятьъ, человѣка. Такая косность или обыденность жизни обусловливается ея потребностями. Потребности жизни состоять въ ея сохраненіи и продолженіи. Для сохраненія и продолженія жизни сама жизнь выработала въ организмахъ такія приспособленія, гдѣ каждая частичка этого организма достигаетъ наилучшаго развитія для своего цѣлого. Цѣлое организма состоитъ, какъ всѣмъ извѣстно, изъ массы чрезвычайно мелкихъ организмовъ или клѣточекъ, состоящихъ въ свою очередь изъ массы мельчайшихъ частичекъ или молекулъ. Вотъ эти-то молекулы, въ силу своего приспособленія, усердно служатъ клѣточкамъ, а послѣднія цѣлому организму въ его сохраненіи и продолженіи.

Какими бы высокими идеями мы ни задавались, но эта обыденная потребность жизни должна составлять сущность послѣдней. Чѣмъ ниже по развитію организмъ, тѣмъ потребность эта осуществляется наименѣе сложнымъ образомъ.

Разматривая нормальную дѣятельность какого-бы то ни было организма, наблюдатели замѣтили и математическую стройность этого отправленія и полную экономію въ расходованіи материала, необходимаго для этой дѣятельности, а потому и высказали надежду, что организація общества или государства тогда только достигнетъ надлежащаго развитія, когда усвоить стройность отправленія и экономіи живущихъ организмовъ, т. е. тогда, когда каждая клѣточка организма государства, т. е. каждый членъ общества будетъ, съ наименьшимъ трудомъ и съ наименьшою тратою материала, приносить наибольшую пользу.

Въ уклоненіяхъ отъ нормальной дѣятельности вообще живущаго замѣчено, что чѣмъ проще организація данного организма, тѣмъ уклоненія эти вызываются наиболѣе значительными агентами, а потому—чѣмъ выше общественная жизнь, тѣмъ съ большою осторожностью должны быть употребляемы агенты, могущіе нарушить правильность ея течения.

Организмъ живущаго подобно обществу находится въ состояніи тѣмъ болѣе вождѣніномъ, чѣмъ большее количество его частей—клѣточекъ (членовъ общества) удовлетворено въ своихъ потребностяхъ; по мѣрѣ увеличенія числа неудовлетворенныхъ клѣточекъ (членовъ общества), организмъ теряетъ свое благодушіе и предпринимаетъ для поправленія соответствующа и свойственная ему мѣры, пока къ тому представляется возможность. Такимъ образомъ, по этому воззрѣнію, выходитъ, что государство или общество тогда только достигнетъ вождѣнія состоянія, когда каждый членъ его будетъ обеспечень въ достижениіи имъ своихъ насущныхъ потребностей.

Мы уже упомянули, что насущная потребность всего живущаго состоитъ въ сохраненіи и продолженіи его жизни. Потребности сохраненія и продолженія жизни достигаютъ у человѣка, въ сравненіи съ другими животными, наибольшей интенсивности и экспансивности, а потому и требуютъ со стороны государства, для надлежащаго своего удовлетворенія, и соответствующихъ учрежденій—министерствъ и таковыхъ же дѣятелей—администраторовъ.

Въ весьма сложной дѣятельности по министерству юстиціи мы имѣемъ намѣреніе и возможность коснуться только приложенія медицины къ правосуднымъ цѣлямъ.

При приложеніи чего-либо къ чему-либо всегда берутся во вниманіе способы и цѣль этого приложенія. Теперь, если мы коснемся однихъ только способовъ приложенія, напр. архитектурныхъ и медицинскихъ познаній къ потребностямъ общества и сравнимъ ихъ между собою, то встрѣтимъ, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, существующіе уставы: строительный и врачебный.

Разсматривая строительный уставъ, мы увидимъ полную правительственную регламентацію, какъ плановъ нозводимыхъ построекъ, такъ и качествъ материаловъ, пригодныхъ для построекъ. Здѣсь дѣло зодчаго состоится, главнымъ образомъ, въ

точномъ выполнениі регламентациі, ибо строительный уставъ стремится все предвидѣть и приспособить къ наилучшему удовлетвореню общественныx и частныхъ потребностей.

Если же мы цожелаемъ ознакомиться съ врачебнымъ уставомъ, то встрѣтимъ, по большей части, одни только институты, т. е. не учрежденія, рассматривающія регламентированные правительствомъ планы и материалы для выполнениі этихъ плановъ, а только учрежденія, въ которыхъ должностные лица могутъ питать пока надежду современемъ получить врачебный уставъ, подходящій къ строительному.

Чтобы имѣть болѣе наглядное понятіе объ уставахъ строительному и врачебному, умѣстно будетъ сдѣлать слѣдующее уподобленіе: уставъ строительный есть ноты, въ коихъ предержащая власть помѣстила все, что потребно для надлежащаго выполнениія данной піесы, и игра по этимъ нотамъ будетъ зависѣть уже отъ игрока. Уставъ врачебный имѣть также видъ нотъ или, лучше сказать, нотной бумаги съ заглавиемъ піесы, но почти безъ всякихъ нотныхъ знаковъ, а потому существующій играть озаглавленную піесу долженъ еще свачала написать для себя соотвѣтствующія данной піесы ноты, или же просто смотрѣть на нотную бумагу и наигрывать подходящую фантазію на данный уставомъ мотивъ. Въ строительному уставѣ ноты распредѣляются какъ бы по голосамъ и инструментамъ, во врачебномъ же объ этомъ вѣть и помину, а потому для поставки врачей, желающихъ принять участіе въ выполнениі, такъ сказать, правосудной піесы получается неопределенный и полный просторъ.

Всякому извѣстно, что единичныя, личныя потребности и удовлетворяются единично, т. е. онѣ не возбуждаютъ общественныхъ вопросовъ, но общественные потребности, въ силу логики, могутъ быть удовлетворены только обществомъ; если же эти потребности касаются цѣлаго государства, то ихъ можетъ удовлетворить только государственная власть. Всякому также извѣстно, что какъ единичныя, такъ и общественные и государственные потребности не теряютъ своей интенсивности въ случаѣ ихъ удовлетворенія, а потому постоянно вызываютъ объ удовлетворенії.

Врачебный уставъ подобно строительному долженъ удовлетворять всякия медицинскія потребности, касающіяся частныхъ, общественныхъ и государственныхъ нуждъ. Нуждаю-

щимся нѣтъ дѣла до того, легко или трудно будетъ государству удовлетворить ихъ; они имѣютъ право и должны неуклонно напоминать государству о своихъ нуждахъ, хотя бы по пословицѣ: *ребенокъ не плачетъ, мать не разумѣетъ*. Но чтобы мать—правительственная власть—услышала и уразумѣла плачъ ребенка-народа о потребностяхъ послѣдняго, необходимо иногда множество благопріятныхъ къ тому условий, касающихся какъ времени и мѣста, такъ и способовъ выраженія и удовлетворенія этого народнаго плача,—стоитъ только припомнить бывшую крѣпостную зависимость.

При постройкахъ вообще всякая почти ошибка строителя болѣе или менѣе для всѣхъ очевидна и не можетъ быть замалчиваема, но не то мы видимъ при выполненіи другихъ государственныхъ потребностей, особенно медицинскихъ, гдѣ почти всѣ общественные потребности выполняются болѣе или менѣе гадательно, а иногда и просто замалчиваются. Къ такому выполненію предрасполагаетъ какъ самый способъ усвоенія и приложения медицинскихъ данныхъ въ общественнымъ нуждамъ, такъ и нерѣдко весьма строгія предписанія начальства: „къ немедленному исполненію“. Очень рѣдко случается, что вицшая инстанція позволяетъ себѣ сказать высшей, что предписаніе послѣдней содержитъ въ себѣ тѣ или другія научныя упущенія, а потому не подлежитъ немедленному выполненію.

Что касается замалчиванья, то, повидимому, всѣ несовершенства врачебнаго устава суть его послѣдствія. Хотя высшія и низшія врачебныя инстанціи вполнѣ сознаютъ недостатки устава, но молчатъ, какъ въ силу того, что и безъ того у нихъ много дѣла, да и легче идти по проторенному пути, такъ и потому, что запасъ званій у служащихъ въ инстанціяхъ въ данное время не можетъ научнымъ образомъ оформить и доказать сознаваемые ими недостатки устава—только нѣкоторые молодые врачи, неутратившіе еще горячихъ научныхъ стремленій, громко говорять объ этихъ недостаткахъ, но въ свою очередь также замалчиваются.

Подобного рода замалчиванье еще извѣнительно для тѣхъ, кто изъ этого извлекаетъ себѣ, въ ущербъ общества, хотя какую-нибудь пользу; но замалчиванье недостатковъ врачебнаго устава со стороны ценсіонированныхъ врачебныхъ лицъ, особенно же медицинскихъ инспекторовъ, ничѣмъ инымъ не

можетъ быть объяснено, какъ только привычнымъ и полнымъ подавлениемъ у нихъ энергіи впечатлѣнія къ общественнымъ и государственнымъ нуждамъ; но когда задѣвается въ печати или судомъ ихъ собственная личность, то откуда-то берется у нихъ необыкновенная энергія.

Что касается приложения медицины къ правосуднымъ цѣлямъ, то и здѣсь способы приложения и цѣль должны стоять на первомъ планѣ.

По мѣрѣ развитія прикладныхъ наукъ, способы приложения научныхъ знаній къ жизненнымъ потребностямъ обобщаются, и упрощаются, т. е. стремятся къ тому, чтобы каждый, желающій ими воспользоваться, или получилъ бы самъ къ тому возможность, или, по крайней мѣрѣ, имѣлъ бы ясное сознаніе о способѣ ихъ приложенія. Цѣль подобного приложения тогда только будетъ достигнута, когда всѣ, пользующіеся этимъ приложениемъ, останутся вполнѣ имъ довольными.

Потребность со стороны общества въ приложениі медицинскихъ данныхъ къ общественнымъ нуждамъ появилась уже давно и выработала двѣ отрасли медицины: гигіену и судебную медицину. Первая изъ нихъ касается удовлетворенія физиологическихъ потребностей человѣка, а другая всего, что только касается человѣческаго организма, для надлежащаго уясненія того или другаго юридического процесса. Такимъ образомъ, въ рассматриваемомъ нами приложениі медицины къ правосудію будетъ обращено вниманіе только на способы, по коимъ научная медицинская данныя прилагаются къ правосуднымъ цѣлямъ, самая же цѣль этихъ приложеній, т. е. правосудіе, составить задачу юриспруденціи. Способы эти, по возможности, должны быть до того точны, чтобы никто въ нихъ не сомнѣвался, и до того упрощены, чтобы въ случаѣ крайности всякой ихъ могъ бы самъ провѣрить. Вотъ такѣе-то способы приложениія медицинскихъ данныхъ къ правосудію и заслуживающіе названія судебнно-медицинскихъ или медико-юридическихъ данныхъ.

Какъ вообще доступно и наглядно для наблюденія виѣшнее проявление жизни, такъ недоступна и скровенна внутренняя жизнь. Какой бы мы ни взяли моментъ виѣшнаго проявленія жизни вообще и человѣческой въ частности, мы можемъ

схватить этотъ моментъ и фотографію, и телефономъ и пр., и восстановить его образно, но уловить моментъ внутренней жизни, давшій поводъ ко внѣшнему ея проявленію, составлять самую трудную задачу высоко-развитаго ума.

Индивидуальная жизнь человѣка, какъ таковая, составляетъ область или физіологии, или патологіи, т. е. медицины; но жизнь эта съ точки зрењія общежитія обусловила известные законодательства и составила, главнымъ образомъ, область юриспруденціи. Такимъ образомъ выходитъ, что человѣкъ, какъ индивидуумъ, долженъ составлять вообще предметъ вѣдѣнія медицины, а какъ общественный дѣятель долженъ быть отнесенъ, по преимуществу, къ юриспруденціи. Но общественная жизнь человѣка не можетъ же рѣзко расходиться съ его индивидуальною жизнью, а потому дѣлается понятнымъ соприкосновеніе медицины съ юриспруденціемъ.

Преступная или иная человѣческая дѣянія, разматриваются только съ внѣшней, очевидной стороны, не послужили бы поводомъ къ современному развитию юридическихъ наукъ, но внутренне мотивы человѣческихъ дѣйствій, неясность, недоказательность этихъ мотивовъ для объясненія внѣшней стороны разматриваемаго дѣянія и составляютъ главную причину прогрессированія юриспруденціи; отсюда также вытекаетъ призывъ свѣдущихъ людей вообще, для объясненія непонятныхъ для суда фактовъ, касающихся, какъ внутреннихъ мотивовъ въ разматриваемомъ дѣяніи, такъ и внѣшнихъ признаковъ послѣднаго, говоря иначе: назначеніе суда состоить въ реставрированіи (воспроизведеніи) того состоянія, въ которомъ находилась подлежащая вѣдѣнію суда личность въ моментъ совершенного ею и разматриваемаго судомъ дѣянія. Назначеніе же свѣдущихъ людей по медицинѣ касается, въ большинствѣ случаевъ, внѣшней стороны, но при психическихъ ненормальностахъ юридического объекта участіе такого-свѣдущаго человѣка считается неизбѣжнымъ для выясненія и внутренней стороны.

Вотъ это-то стремленіе юристовъ къ уразумѣнію внутренней стороны всякаго преступнаго дѣянія нерѣдко встрѣчало неодолимыя препятствія и сдѣлало то, что добросовѣстные юристы вслѣдствіе правдивости своей уже съ давнихъ поръ окончательное рѣшеніе о внутреннихъ мотивахъ преступнаго дѣянія, т. е. о виновности или неповинности подсудима-

го, уступили суду присяжныхъ, т. е. самую существенную часть юридического процесса самоотвержено передали гражданамъ вообще.

Участіе свѣдущихъ людей вообще и врачей въ частности въ юридическихъ процессахъ.

Слово „свѣдущій человѣкъ“ само по себѣ такъ неопределенно и имѣть такое обширное значеніе, что въ разговорѣ только и употребляется съ прибавленіемъ словъ: въ этомъ дѣлѣ, т. е. въ этомъ дѣлѣ свѣдущій человѣкъ; а потому характернымъ признакомъ свѣдущаго человѣка служить его специальная свѣдѣнія, т. е. его профессія. Но специалисты по извѣстной профессіи напр. слесарь, врачъ и пр., еще не говорятъ за то, что всѣ люди данной профессіи обладаютъ одинаковыми свѣдѣніями; даже изучившіе специальныя отдѣлы данной профессіи еще не могутъ быть безразлично употребляемы, на томъ же основаніи, въ качествѣ свѣдущихъ людей. Въ силу этого и законодательство не опредѣляетъ, а только указываетъ на соответствующихъ административныхъ чиновниковъ, какъ на свѣдущихъ людей по дѣламъ, касающимся ихъ специального служенія, какъ напр.: при постройкахъ на губернскаго архитектора, по медицине—на губернского вра�ебнаго инспектора и пр.; причемъ юристамъ не возбраняется привлекать на судъ и другихъ, подходящихъ къ дѣлу, свѣдущихъ людей, для наилучшаго достиженія правосудныхъ цѣлей.

Эта невозбранность юристамъ отыскивать между специалистами свѣдущихъ людей по ихъ индивидуальнымъ юридическимъ воззрѣніямъ, говорить за то, что приготовленіе государствомъ специалистовъ по извѣстнымъ отдѣламъ не соответствуетъ государственнымъ въ нихъ потребностямъ; въ противномъ случаѣ авторитетъ юриста превышаетъ государственный авторитетъ, ибо пока государство еще колеблется въ выборѣ свѣдущаго человѣка, для юридическихъ процессовъ, судебный слѣдователь и вообще всякий юристъ безцеремонно и по своимъ очень часто незрѣлымъ, юридическимъ понятіямъ вызываютъ въ качествѣ свѣдущихъ людей такихъ лицъ, которыхъ о той отрасли медицины, по которой они должны дать суду показаніе, имѣютъ едва смутныя понятія. Такое упрощенное отыскиваніе по медицинѣ свѣдущихъ людей едва ли можетъ служить для наилучшаго достиженія правосудныхъ цѣлей.

Законодательство, указывая на свѣдущихъ людей, тѣмъ самыи признаетъ ихъ существованіе, а законы признаютъ существующимъ только то, что не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, всѣмъ и каждому извѣстное. Тѣ свѣдущіе люди, которые потребны для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, вырабатываются самимъ правительствомъ, напр. военные, духовные и пр.; тѣ же свѣдущіе люди, которые удовлетворяютъ частныи потребности, напр. портные, повара и пр., вырабатываются частнымъ спроцомъ и не имѣютъ почти никакого со-прикосновенія съ нуждами государства. При удовлетвореніи государственныхъ потребностей свѣдущими людьми по военной специальности наиболѣе пригодными считаются люди, занимающіе болѣе высокую административную должность. Едва ли бы было позволено юристу вмѣсто полковаго командира, какъ свѣдущаго человѣка по военной специальности, вызвать на судъ подпрапорщика, хотя бы послѣдній въ глазахъ вызвавшаго его юриста и считался лицомъ самыи пригодныи для правосудія и пр. Въ данномъ приимѣрѣ ни у кого не явится подозрѣніе, чтобы полковой командиръ былъ менѣе свѣдущъ по своей специальности, чѣмъ подпрапорщикъ по той же специальности; причина же этому лежить въ томъ, что специальная свѣдѣнія подпрапорщика повторялись у достигшаго полковничаго чина безчисленное число разъ. Еслибы существовало что либо подобное при подготовленіи свѣдущихъ людей по судебнѣй медицинѣ, то въ законодательствѣ, по всему вѣроятію, не существовала бы статья, дающая праворуристу выбирать свѣдущихъ, людей по медицинѣ по своему субъективному возврѣнію.

Принятое закономъ наименование „свѣдущій человѣкъ“ почти вездѣ замѣнилося неупотребляемымъ въ законѣ словомъ „экспертъ“, которое, какъ въ публикѣ, такъ и въ административныхъ бумагахъ почти совсѣмъ вытѣснило название „свѣдущій человѣкъ“. Намъ думается, что подобная замѣна имѣть очень важное значеніе, ибо оно вноситъ о лицѣ различныи степени свѣдѣній — иная свѣдѣнія будутъ у свѣдущаго человѣка и иная у эксперта *).

*) Для надлежащаго разумѣнія слова „экспертъ“, мы обратились съ покорѣйшею просьбою къ уважаемому ординарному профессору латинскаго языка въ Казанскомъ университѣтѣ Дарію Ильичу Нагуевскому и получили отъ него слѣдующее: